

ДАРЬЯ ПРОТОПОПОВА

1982

ИЛИ
ДОЖИТЬ ДО ВЕСНЫ

Дарья Протопопова

1982, или Дожить до весны

«Издательские решения»

Протопопова Д.

1982, или Дожить до весны / Д. Протопопова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983420-1

Роман «1982» отчасти вдохновлен антиутопией Джорджа Оруэлла, отчасти написан в полемике с ней. В последние годы цифра «1984» приобрела значение оправдавшегося пророчества. «Дожить до весны» предлагает альтернативный взгляд на жизнь в СССР и России в 1980-90-х гг. У романа три части: летняя, осенне-зимняя и весенняя — человеческие переживания уложены в нем сезонно — лето к лету, весна к весне. Содержание слегка касается обозримых краев истории — от эпохи древних греков до воображаемого 2082-го.

ISBN 978-5-44-983420-1

© Протопопова Д.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть I. Лето нашей жизни	9
Глава 1. $1+9=8+2$	9
Глава 2. Роддом Грауэрмана	11
Глава 3. Пионы	12
Глава 4. Жасмин	13
Глава 5. Евгения Михайловна	14
Глава 6. Белка	15
Глава 7. Белка-2	16
Глава 8. Красная Пресня	17
Глава 9. Ступино	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

1982, или Дожить до весны

Дарья Протопопова

Фотограф Дарья Протопопова, Yuri Zak

Корректор Вера Марышева

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Дарья Протопопова, 2020

© Дарья Протопопова, Yuri Zak, фотографии, 2020

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3420-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В ноябре 1948 года кварцитные, поросшие редкой травой берега шотландского острова Джура выдерживали привычную атаку волн и ветра. Низкие серые облака заслоняли солнце, а в проливе Корриврекан знаменитый смертоносный водоворот превратился в еще более зловещую воронку. Но смерти было скучно витать в тот месяц над пенящимися кругами: в штормовые сезоны к водовороту редко кто отваживался приблизиться. В тот месяц на Джуре смерть караулила в более перспективном для себя месте – на северной стороне острова, под окнами небольшого уединенного дома из серого камня. Дом назывался Барнхил, буквально «сарай на холме», и от ближайшего обитаемого поместья его отделяли семь миль крутой каменной пешей тропы. Барнхил казался смерти уютным местечком.

Там, полулежа в постели, еле дыша пораженными туберкулезом легкими, длинный худой человек со впавшими глазницами лихорадочно печатал что-то на машинке. Эрик Блэр (так звали этого человека жители острова) появился на Джуре за два года до этого, весной, добравшись до Барнхила из Лондона с чемоданом, парой кастрюль и походной кроватью. Вскоре к Блэру (он был вдовец) приехал его маленький сын с няней, а потом и сестра. Зимой Блэр вернулся в Лондон, но в столице комфорта было не больше, чем на Джуре: в январе 1947-го ударили невиданные для Англии двадцатиградусные морозы, и Блэру (или, как его называли в Лондоне, Джорджу Оруэллу) пришлось пустить на топку мебель. И вот теперь, после лечения стрептомицином, от которого у него начали разлагаться ногти на руках и ногах и появились кровоточащие горловые язвы, писатель снова жил на Джуре, наперегонки со смертью пытаясь закончить «1984». «Последний человек на Земле» – таким был первоначальный вариант названия романа: Оруэллу еще со времен встречи Рузвельта, Сталина и Черчилля в Тегеране отчетливо виделся конец свободного человечества.

На «1984», с его сводящей с ума безнадежностью, безусловно, повлияли те обстоятельства, в которых он создавался. Оруэлл приступил к работе над ним после скоропостижной смерти любимой жены, с которой они за год до этого усыновили осиротевшего младенца. В Лондоне и на Джуре в послевоенные годы не хватало еды и топлива. Несмотря на победу союзников, мысли о далеких 1980-х приводили в отчаяние. «1984» после множества авторских переделок приобрел форму страшного пророчества. Как и любому пророчеству, ему предстояла проверка временем.

В историческом апреле 1984-го жители Москвы находились, согласно предсказаниям Оруэлла, на пороге Апокалипсиса. Ветры с далекого шотландского острова сулили им вечный холод и полное душевное окаменение. А они продолжали жить и ждать наступления лета.

* * *

Весной 1984-го на территории московского стадиона «Динамо» особенно хороши были фонтаны. К северу от фонтанов тянулась широкая улица с аппетитным названием Нижняя Масловка: ее пересекала прохладной зеленой полосой широкий сквер. Фонтаны украшала цветная мозаика: она напоминала чешую волшебной змеи, вившейся вокруг гранитных бассейнов. В сквере росли огромные, как казалось тогда Кире, деревья и зеленела трава, в мае покрывавшаяся густым ковром из одуванчиков. Невозмутимые городские службы не переживали о буйстве сорняков в скверах столицы, и детям Масловки плели пышные, похожие на цыплячий пух венки на каждой солнечной майской прогулке.

Много было и других достопримечательностей. Голубые ели у северного входа на тот же стадион «Динамо»: растения экзотического хвойного сорта, они выживали в морозы благодаря узлу теплосети, скрывавшемуся под их клумбами. Магазин «Цветы», где в начале 80-х продавали только гвоздики и только по государственным праздникам, что делало из дешевого цветка редкое и глубоко символичное сокровище. Телефон-автомат, висевший ровно посередине стены длинного многоквартирного дома номер 8 – между булочной и магазином «Бакалея». В телефон можно было бросить монету в две копейки и в шутку позвонить Кириной маме, просто чтобы сказать, что хлеб купили. Движущейся достопримечательностью района был трамвай, маршрут которого проходил по Нижней и ее богемной¹ сестре Верхней Масловкам. Трамвайные рельсы обоих направлений пролегли по одну сторону сквера, поэтому вагоны, ехавшие от стадиона «Динамо», грохотали и позвякивали навстречу автомобилям. Однако движение по Нижней Масловке тогда было редким и медленным, и трамваи пугали разве лишь детей, которым приходилось перескакивать через рельсы, ухватившись за вечно спешащих взрослых.

В 1984-м все эти достопримечательности еще существовали, а потом их снесло обрушившейся на страну лавиной исторических перемен. Лавина предварительно, по капле, давала знать о своем приближении. То, что жизнь меняется, было заметно и детскому глазу. Сначала перестали запускать фонтаны на «Динамо» в обычные для них рабочие летние месяцы. Гранитные бассейны быстро заполнились мягкой дождевой водой темно-коричневого цвета от осевших на их мозаичное дно мертвых кленовых листьев. Закрылся магазин «Цветы», а потом снова открылся, но вместо гвоздик в нем стали торговать оконными жалюзи. Вероятно,

¹ Из-за находившегося на ней городка художников.

в память о сохранившейся магазинной вывеске, вместе с жалюзи покупателям предлагались кактусы в глиняных горшках.

С телефона-автомата на стене дома номер 8 ветер истории сорвал тяжелую черную трубку вместе с металлическим телефонным шнуром. Обрывок шнура, спиралью торчавший из телефонной коробки, сфотографировали потом иностранцы для черно-белой инсталляции «Жизнь в послесоветской России». Впрочем, даже на цветных фотопленках восьмидесятые смотрятся пыльным, выжженным, как пески пустыни, временем забастовок, пустеющих шахт и подростков, одетых в мешковатые свитера.

Так искажает реальность историческая перспектива. Не такими Кире запомнились первые годы ее жизни. Вернее, не только такими: не только оруэлловскими «пустырями с горами битого кирпича», над которыми веял «вихрь песка и пыли». Стоя в начале третьего тысячелетия на обочине третьего московского транспортного кольца, как не вспомнить год 1984-й. Тогда с окрестностей Масловок детей водили гулять под росшие на «Динамо» каштаны. В память об этих детях и написана эта книга.

Часть I. Лето нашей жизни

Я так хочу, чтобы лето не кончалось...

Илья Резник

Глава 1. $1+9=8+2$

Пора новых надежд и планов твердо ассоциировалась у Киры с летом – не в последнюю очередь из-за июльской даты ее рождения. Кто-то начинает жизнь с чистого листа в январе, кто-то весной; для Киры новый год наступал в июле, в день, рассекающий календарные 365 суток ровно на две половины. 182 дня справа, 182 дня слева, а посередине – день появления Киры на свет. Разумеется, каждые четыре года эта приятное равновесие нарушалось, но в невысоком 1982-м оно порадовало математической симметрией падких на приметы Кириных родных. Летом 1982-го во главе Советского Союза все еще находился старик Брежнев, уже перенесший за шесть лет до этого клиническую смерть. Он скончается в ноябре того же года, дав Кире возможность оправдываться впоследствии, что родилась и выросла она, дескать, еще в доперестроечные времена.

Второго июля родилась Кира, а шестого июля состоялось самое долгое в XX веке лунное затмение – два события, которые прошли незамеченными большей частью человечества, однако произвели неизгладимое впечатление на узкий круг заинтересованных в них лиц. Для кого-то июль 1982 года, наоборот, ознаменовал не радостное начало, а трагический конец: в день того же лунного затмения разбился самолет Аэрофлота с девяносто двумя людьми на борту; 9 июля произошла катастрофа «Боинга-727» в США, унесшая жизни ста пятидесяти четырех человек; 20 июля ирландские боевики взорвали две бомбы в Лондоне, убившие восемь человек и ранившие сорок. В последний день июля 1982 года погибли в самой страшной за всю историю Франции автомобильной аварии сорок шесть детей и семь взрослых. Вечная им память и вечная память всем безвременно и безвинно погибшим человеческим существам. Самое пугающее в жизни, решит для себя Кира, это то, что, пока одни люди корчатся в муках, в это же самое время другие люди предаются безудержному веселью, и никто из нас не знает заранее, в какой из этих групп он окажется завтра, послезавтра, через год... В Средние века эту непредсказуемость воплощал образ колеса Фортуны, возносящего счастливицу ввысь, к успеху, только чтобы потом швырнуть его вниз, в бездну отчаяния. В июле 82-го колесо подцепило Киру за марлевый подгузник, скрепленный булавкой, и потащило, радостно улыбающуюся, наверх, к первым звукам, первым словам, первым шагам по детскому манежу и – к первому детскому саду в начале Петровско-Разумовского проезда города Москвы.

Спустя неделю после рождения Киры Фрунзенским отделом столичного ЗАГСа ее родителям было выдано свидетельство, официально подтверждавшее Кирино появление на свет. Герб СССР – земной шар, обрамленный связками колосьев, крестом из серпа и молота и лучами восходящего солнца – украшал зеленую корочку на лицевой стороне и в виде смазанной чернильной печати внутри, поверх подписи заводделом. Фиолетовым по зеленому в свидетельстве сообщалось, что его обладательницу, семидневное существо женского пола, отныне следовало именовать Кирой, а если совсем учтиво, то Кирой Анатольевной. Мать назвала Киру в честь своего любимого кинорежиссера, чей фильм «Короткие встречи» она знала наизусть. На старости лет, обсуждая с Кирой выбор ее имени, мать согласится, что Кира, конечно, имя не такое благозвучное и томное, как Анна, и не ласковое и мягкое, как Алина, и даже не женственное, как Наталия или Анастасия. Зато оно помогало человеку выработать силу характера

и презрение к общественному мнению, ибо общественное мнение, как пить дать, должно было как-нибудь над ним насмеяться. Расчеты матери оправдались: Киру в первом же классе прозвали Киркóй. Но Кира своим именем гордилась. Ее родители не стали объяснять ей в детстве про кинорежиссера: для важности сказали, что «Кира» происходит от имени древнего персидского царя, основателя огромной державы. Вдохновленная Кира сразу начала упражняться в величавости; интерес к Древнему миру запал ей в сердце, как спящее зернышко, и остался там лежать, до поры до времени.

Глава 2. Роддом Грауэрмана

Долгие годы Кира пыталась разобраться, чего же хочет ее мать: привить ей мысль о том, что она, Кира, принадлежит к категории «избранных» для чего-то великого людей, или что ей надо смириться с семейной патологической неудачливостью. Чаще всего мать умела каким-то образом объединить эти две идеи в одну весьма пеструю картину мира (вероятно, поэтому уже в подростковом возрасте Кира начала подозревать у себя маниакально-депрессивный психоз). Место появления Киры на свет было излюбленным предметом материнских противоречивых воспоминаний. С одной стороны, мать Киры ужасно гордилась тем, что родила в таком знаменитом месте: помимо сына Сталина Василия (младенцы роддомов не выбирают), в роддоме имени Григория Львовича Грауэрмана появилась на свет целая вереница известных советских актеров и актрис. Адрес у роддома не в последнюю очередь способствовал его привилегированному статусу: от дома номер 7 на Калининском проспекте (Новом Арбате) до Кутафьей башни Московского Кремля было всего девятьсот с лишним метров. От этих исторических и географических предвестий великого будущего Киры ее мать бросало в другую крайность, и она начинала воскрешать в своей прихотливой памяти детали грудничковых инфекций, якобы подхваченных Кирой в прославленном роддоме. Качая головой, она вздыхала (обычно по Кириным дням рождения):

– Конечно, с твоей наследственностью как могло быть иначе. Как сейчас помню, принесли тебя из роддома, вроде бы все хорошо, и вдруг – зеленый стул. Пришлось по знакомству одну профессоршу вызывать. Купали тебя в ванночках из десяти трав. И Грауэрман не спас...

И так далее, в стиле бабушки Нины из известного романа Павла Санаева. В такие моменты Кира радовалась, что у нее не было друзей.

Опасности, сопровождавшие Кирино появление на свет, постепенно забылись большей частью ее родни: вместо них вменяемые члены семьи вспоминали потом яркое июльское солнце, пышно-зеленую листву деревьев и поздние дачные пионы, сбереженные бабушкой Киры, Борисом Александровичем, специально к ее рождению. Собственной дачи ни у кого из Кириных близких родственников не было: прадед Киры со стороны отца отдал купленный им загородный дом (первый в истории семьи) своей второй жене Евгении Михайловне в качестве свадебного подарка. Евгения Михайловна торжественно обещала Кириной бабушке – своей уже немолодой падчерице – пускать ее со всем потомством (т. е. Кириным отцом, дядей и их детьми) жить на даче в любое время, «как если бы это была ваша дача, дорогая моя, и никаких вопросов». Правда, находилось это загородное гнездо близ железнодорожной станции Ситенка в 93 километрах от Москвы, поэтому «в любое время» навещать туда было проблематично. Дедушку Киры это не остановило: он обещал Кириной матери – своей невестке – свежие пионы для внучки и свое обещание выполнил, пригрозив Евгении Михайловне, что, если пионы не дождутся появления Киры на свет, строить новую террасу для ситенского дома ей придется самой. Евгения Михайловна прозвала дедушку «шантажистом» и с тех пор принципиально не подходила к грядкам с цветами.

Глава 3. Пионы

Пионы нравятся многим. Их любят за их пышные, как юбки у придворных дам, соцветия. Их белые, розовые или бордовые лепестки похожи на смятую чьей-то артистичной рукой папиросную бумагу; их аромат – как пуэрильное подражание солидной розе. Люди покупают пионы в цветочных магазинах, когда они еще не распустились, и ждут, когда их бутоны лопнут и наружу выльется ароматное, пьянящее глаз великолепие.

Для Киры пионы были не просто цветами, а символом начала лета, начала каникул, начала дачного сезона и – начала подготовки к ее дню рождения. Пионы, купленные в магазине, даже если они были свежи, казались Кире омертвелыми и ненастоящими: она любила пионы живые, распускаявшиеся на необрезанном кусте крепких зеленых стеблей. Иногда сильный июньский дождь прибавал тяжелые цветы к земле, и распутившиеся комья розовых лепестков опадали, но на следующий день дачный сад обсыхал и на выправившихся стеблях качалось новое племя бутонных шариков. На даче в Ситенке никто, кроме Киры, цветами не интересовался, не наблюдал за жизненным циклом непринужденно росших пионовых кустов, и поэтому Кире казалось, что они распускались специально для нее, в подарок к ее очередной годовщине. Вообще из-за того, что Кириин день рождения приходился на лето, ей никогда не хотелось никаких особых поздравлений: само лето казалось самым щедрым и радостным подарком, который только можно было себе представить. Поэтому – и еще из-за неискренности рядовых советских детей в области праздников – Киру нисколько не огорчило, что на ее четвертый день рождения роль именинного десерта на дачном столе выполнил бублик, украшенный четырьмя маленькими свечками. Кира была счастлива: она любила бублики, любила свечки, любила свежесрезанные специально для нее пионы и, наконец, любила быть виновницей торжества. За столом вместе с Кирой сидели улыбающиеся взрослые – дедушка (отец Кириной мамы) Георгий Степанович, Евгения Михайловна и Кирины родители, Анатолий и Любовь. Кира не скучала в этой компании взрослых. Они по очереди задавали ей вопросы, она задавала вопросы им, спела на «бис» свою любимую песню про чибиса, а потом, после долгого чаепития, удалилась в сад, выгуливать свою куклу Варвару. Кирины родители считали, на китайский манер, что Кириин день рождения – это *их* праздник. Была бы на то воля Кириной матери, она бы вообще отмечала этот день одна на кухне, в тишине, но в июле эту мечту сложно было осуществить: дача была не ее, и уединиться на кухне не получалось. Недостижимое одиночество Кирина мать компенсировала своими коронными воспоминаниями. В памяти семьи она воскрешала тот день, когда ее повезли в Грауэрмана, и как Кириин отец ждал под окнами родильных палат, и как Киру принесли домой (вернее, к бабушке и дедушке со стороны отца, у которых тогда ютились недавние молодожены). Принесли, распеленали и поразились тому, какая Кира была, цитируя ее мать, «синяя». На этой эмоциональной кульминации ностальгического попури Любовь Георгиевна умолкала.

Глава 4. Жасмин

За неимением телевизора на ситенской даче Кира часами играла на улице, под невысоким подмосковным небом. Пытаясь развлечься, она бродила меж дачных зарослей и в итоге подружилась с самым парадным кустом на участке – кустом жасмина. Именно подружилась, так как цветущий жасмин хотелось обнять, прижаться к его лепесткам носом, поделиться с ним какой-нибудь радостной новостью, как он делился с людьми своим легким парфюмерным ароматом. Жасмин выполнял на ситенском участке роль дворецкого: он защищал высокой зеленой аркой входную калитку и приветствовал всех входящих глухим жужжанием опылявших его пчел. Куст был настолько высок, что даже двухметровый Кирилл отец не мог дотянуться до его верхних соцветий. В семейном альбоме сохранилась фотография, на которой Кира тщетно пытается дотронуться до нижнего изгиба арки, а по бокам от жасмина благоухают еще одни представители дачной флоры – кусты декоративного шиповника. Разросшиеся ветки шиповника выполняли роль заботливых горничных, направляя движение гостей глинистым – и в период дождей чрезвычайно скользким – тропинным путем к деревянной лестнице на террасу.

Летняя резиденция Кириного детства запомнилась бы ей гораздо менее волшебной, если бы она не утопала в многолетней поросли неприхотливых цветущих кустарников. После смерти Евгении Михайловны ситенский дом перейдет к внезапно объявившимся кровным родственникам покойной, а Кирины родители решат строить дом вблизи поселка Вербилки: там в начале 1990-х годов расчистят огромную территорию под новые садоводческие, или, как их тогда начнут называть, «коттеджные» участки. Дом получится намного выше, просторнее и прочнее обычного советского «бунгало» Евгении Михайловны: вместо одного этажа там будет два и просторный чердак; вместо почерневшего хрупкого шифера на его крышу уложат красивую черепицу; стены собьют из цельного бруса. Но на новых участках не будет никакой растительности, за исключением редких колючих клубков дикой малины, чудом уцелевших после расчистки территории; между домами еще не водрузят заборов, и вся местность, несмотря на то, что она считалась эмбрионом нового населенного пункта с большими планами на будущее, произведет на Киру впечатление выжженной деревни, которую покинули еле спасшиеся от огня погорельцы. Кира возненавидела новый семейный «коттедж»: по классической для тех лет схеме для него все время требовались какие-то новые материалы, строительство затягивалось, денег у ее родителей не хватало, и одну зиму дом простоял без окон, дверей и полов, как полубглоданная туша гигантского животного. В сравнении с ним окруженная жасмином, пионами, кустами дикой черноплодки и посаженной в три ряда вдоль забора садовой малины дача Евгении Михайловны выглядела уютной хижинкой среди райских кущ. Особо благословенным местом в этом Эдеме Кира считала треугольник, который образовывали шелестевшие посреди ситенского участка березы. Одна из берез росла настолько близко к дому, что до нее можно было дотянуться с крыльца рукой, но Евгению Михайловну не пугало такое опасное во время гроз соседство. Она поставила под березами чугунную скамейку с изогнутой спинкой, купила Кире такой же, как у себя, кружевной зонтик от солнца и в жаркие дни устраивала со своей приемной правнучкой томные посиделки под плавно качавшимися прядями березовых веток.

Глава 5. Евгения Михайловна

Евгения Михайловна была для Киры самым загадочным членом ее семьи, не в последнюю очередь из-за ожесточенных споров о ее характере, которые Кирины родители затевали перед каждой поездкой на дачу. Любовь Георгиевна шептала, что Евгения Михайловна «страшная женщина», околдовавшая прадеда Киры на одном из советских курортов еще до кончины его первой жены. Первая жена прадеда Киры практически заменила Анатолию Борисовичу мать: пока его настоящая мать, бабушка Киры, переезжала с места на место, следуя за своим мужем-военным, он оставался в Москве вместе с не чаявшей в нем души бабушкой. Вполне естественно, что разговоры о якобы имевшейся у его деда вальсяжной любовнице выводили Анатолия Борисовича из себя, и он мстил жене, обвиняя ее в пошлой женской зависти. Отойдя от уже раскрасневшейся Любви Георгиевны на безопасное расстояние, он небрежно бросал:

– Тебе просто покоя не дает, что она, вместо того чтобы стирать и готовить, питается хлебом и вареньем и делает ежедневные маски для лица. Что бы там ни говорили о ней, но кожа у Михайловны действительно гладкая, как у младенца.

Обычно в результате таких разговоров отъезд на дачу откладывался до извинений со стороны Анатолия Борисовича.

Евгения Михайловна действительно любила есть хлеб с домашним вареньем. Но и поглощение этого, казалось бы, незамысловатого блюда она умела превратить в неторопливое таинство. Она обрезала с хлеба не нравившиеся ей по какой-то причине корки, резала оставшийся мякиш на маленькие кусочки, которые она называла «зайчиками», намазывала каждый из них вареньем и наконец отправляла «зайчиков» в рот – безукоризненно напомаженный, несмотря на свои восемьдесят лет и вообще принятое на дачах косметическое *neglige*.

Евгения Михайловна не выходила на улицу в солнечные дни без своего ажурного, с резной деревянной ручкой зонтика от солнца. По белому куполу зонтика были вышиты кремовой гладью цветы и листья. Как женщина, питавшаяся почти исключительно вареньем и хлебом и никогда никуда не торопившаяся, Евгения Михайловна обладала объемной, словной взбитой, как пуховая перина, фигурой, к которой очень шла ее белая, аккуратно подстриженная и уложенная шелковистыми волнами шевелюра. Евгения Михайловна не любила искажать плавные линии своего тела юбками или платьями, которые ей были бы просто не к лицу, поэтому она всегда носила брючные костюмы свободного покроя из мягких материалов, отдавая предпочтение кремовым и бледно-розовым расцветкам. Примерно каждый второй день дачного сезона после завтрака Евгения Михайловна умывалась, переодевалась из теплого байкового халата, надетого поверх шелковой пижамы, в брючный костюм, пудрилась, душилась туалетной водой «Ландыш серебристый», брала зонтик и отправлялась гулять по линиям садоводческого товарищества, изредка останавливаясь поболтать с избранными друзьями. Пару раз она брала Киру с собой: они молча шли, каждая под своим белым зонтиком, а когда останавливались поговорить с кем-нибудь из соседей, Евгения Михайловна гладила Киру по голове, доставала из кармана леденец и, протягивая его Кире со словами «Иди, поиграй где-нибудь», отправляла девочку в сторону соседского огорода. В отличие от Любви Георгиевны, которая вечно боялась, что Кира потеряется, запачкается или что-нибудь сломает, Евгения Михайловна не волновалась ни о чем, тем более о Кирином будущем. Втайне от матери Кира мысленно пожимала руку своему прадеду и считала Евгению Михайловну «шикарной женщиной».

Глава 6. Белка

В характере Евгении Михайловны было много недостатков: вернее, недостатками их считали окружающие; сама же Евгения Михайловна считала себя обладательницей многих выгодных по жизни качеств. Но все ее – назовем их условно – изюминки характера искупались в глазах Киры наличием у Евгении Михайловны собаки – белой, как вы уже могли догадаться по ее имени, вынесенному в название этой главы. Сама Белка не считала Евгению Михайловну своей хозяйкой: во всяком случае, она никогда не ласкалась к ней, несмотря на то, что жила именно у нее на квартире в холодные осенние, зимние и весенние месяцы. Больше всего ласкалась Белка к Кириному отцу, хотя и видела его только летом и только по выходным; она помнила, что именно ему была обязана своим спасением от бродяжьей жизни. Здесь будет уместно заметить, что Белка в роли бездомной собаки с трудом представлялась тем людям, кто знал ее уже как питомицу Евгении Михайловны. Впущенный шпиц с белоснежной шерстью, блестящими черными глазками и всегда безупречно чистой мордочкой, украшенной очаровательным носиком, Белка выполняла функцию идеального аксессуара. Собственно, благодаря этому Евгения Михайловна, скорее всего, и согласилась взять собаку к себе, после того, как Анатолий Борисович подобрал потерявшуюся, бездомную Белку на железнодорожной станции и привел ее на ситенскую дачу.

Вернее, Белка сама увязалась за Кириным отцом, собачьим чутьем угадав в его худой и сутуловатой наружности признаки незащитности и доброты. Она шла за Анатолием Борисовичем от станции до самого ситенского дома, зная, что после столь долгой дороги бородастый интеллигент уже не бросит ее, а по меньшей мере приютит и накормит. На свое счастье Белка была в высшей мере воспитанной собакой: она была чистоплотна, не норовила сбежать с дачного участка или сорваться с поводка. Она теряла внутреннее равновесие только во время грозы – при первых раскатах грома прибегала в дом и забивалась под кровать Евгении Михайловны, где оставалась до полного восстановления небесной тишины. Наверное, именно из-за какого-то внезапного шума она и отстала от своего прежнего хозяина и потерялась на станции: невозможно было представить себе, чтобы кто-то сознательно оставил обаятельную Белку на произвол судьбы.

Знакомство с Белкой было одним из наисчастливейших обстоятельств Кириного детства. Повзрослев, Кира будет с удивлением вспоминать, что ей почему-то совсем не грустилось по Белке, когда та зимовала у Евгении Михайловны. Ей покажется невероятным, что ребенком после трех месяцев дружбы с белой собачкой она могла спокойно с ней расстаться до следующего лета. Однако в детстве люди смотрят на вещи (в данном случае на животных) более рационально. Маленькая Кира понимала, что ее мать никогда не позволит Белке погостить у себя на квартире и тем более не поедет проводить Евгению Михайловну на далекую станцию метро «Свиблово». О приобретении собаки Кире в личное пользование не могло быть и речи. Кире ничего не оставалось делать, как забыть о своей пушистой подруге – вырезать ее из своего податливого детского сердца, чтобы не мучить себя попусту в и без того тоскливые школьные дни. Зато летом мало кто требовался Кире для полного счастья, кроме Белки – или «папиной находки», как она называла шпица в пику Евгении Михайловне, любившей иной раз «пошутить», что Белка Кире не принадлежит.

Глава 7. Белка-2

Справедливость требует, чтобы Белке, как самому светлому (и в прямом, и в переносном смысле) воспоминанию Кириного детства, было посвящено как минимум две главы. Дорогие читатели, вашему вниманию предлагается полотно «Купание белой собаки». Белка, хотя и была чистоплотна, достигала похвального уровня чистоты воздержанием от прогулок в сыкотные дни, нежели частыми водными процедурами. Почти так же сильно, как она боялась гроз, Белка боялась воды, растопыривая лапы каждый раз, когда ее пытались поставить в таз и облить из кувшина. Вы спрашиваете, зачем Белку надо было ставить в таз и поливать теплой водой, вместо того, чтобы оставить ее на земле и поливать из шланга, как это обычно делают с собаками на дачах? Ответ прост: по всем прямым и косвенным доказательствам она заменила Евгении Михайловне ребенка, а ребенок Евгении Михайловны, разумеется, не мог быть обливаем из шланга на улице. Водобоязнь животного и материнская привязанность к Белке, развившаяся у Евгении Михайловны, означали, что купание Белки проводилось нечасто и всегда было событием все семейного масштаба. С утра нагревалась вода в топившейся дровами колонке в сарае и объявлялся общий банный день («Не топить же колонку по десять раз», – непременно замечала Евгения Михайловна). Кира, Любовь Георгиевна и (если он оказывался в тот день на даче) Анатолий Борисович стояли наготове со старыми простынями, в которые предполагалось завернуть выкупанного зверя, в то время как Евгения Михайловна заканчивала последние приготовления у радостно гудевшей колонки. Белка, уже разнюхавшая человеческие планы, была бы рада спрятаться где-нибудь в саду, но ее заранее запирали в комнате Евгении Михайловны, чтобы в последнюю минуту вынести оттуда в сарай.

И вот Белку понесли! Любовь Георгиевна передавала Кире свою порцию старых простыней и принималась помогать Евгении Михайловне намыливать и споласкивать извивавшееся животное. Обычно после этой операции обеим промокшим до нитки женщинам приходилось самим закутываться в старые простыни. Белка после купания теряла две трети своего объема и становилась похожа на облезлую ехидну. Она дрожала не переставая, пока ее обвивали двумя-тремя слоями простыней, и в таком виде новорожденного младенца несли в дом. Там Евгения Михайловна садилась на диван и держала Белку у себя на коленях, сюсюкая с собакой нос в нос и обсуждая с ней подробности успешного омовения. Когда Белка успокаивалась, ее распеленывали и расчесывали старой щеткой для волос, в результате чего она не только возвращалась к своему прежнему объему, но становилась еще более похожей на большой белый помпон. Как уже было замечено, после купания Белки мылись и все остальные обитатели дачи, обходившиеся в другие дни быстрыми водными процедурами под рукомойником. Потом собирались с замотанными полотенцами головами на террасе и пили чай. Белка, к тому времени окончательно успокоившаяся, долго взбивала свежие подстилки в своей коробке и, потоптавшись напоследок вокруг своей оси, сворачивалась калачиком и засыпала.

Глава 8. Красная Пресня

Спросите сегодняшних школьников, что означают слова «Красная Пресня», и они вряд ли смогут ответить. Возможно, они подумают, что Пресня происходит от слова «пресный» (хотя почему тогда она красная?) или от слова «прессовать», что на современном молодежном сленге означает «унижать, угрожать, вымогать ценности или деньги». Если честно, в 1987 году Кира тоже имела слабое представление о том, какое событие стояло за названием этого соседнего с Ситенкой садоводческого товарищества. Кровавые бои 1905 года на Пресненской улице в Москве оказались увековечены в именах десятков поселков, деревень, парков и площадей, но спустя сто лет осталось неясным, героическая ли эта память или трагическая – или, даже более того, горькая и тягостная? Кто хочет жить в месте, названном в честь бойни между людьми, одинаково твердо верившими в свою правоту? Бойни, в результате которой была разрушена одна из самых гуманных на тот момент фабрик Российской империи? Эти вопросы, однако, оставались за пределами Кириных познаний и интересов. Название садов «Красная Пресня» звучало для детских ушей радостно, по аналогии со слышанными из сказок выражениями «красная девица» и «красное солнышко». Красная Пресня была для Киры местом даже более интересным, чем знакомая Ситенка, потому что в Красной Пресне был продовольственный магазин. В Красную Пресню обитатели Ситенки ходили не просто так, погулять «как малые дети»: туда ходили за продуктами. Вообще основную часть непортящихся припасов (макароны, крупы, консервы, сгущенное молоко, подсолнечное масло, варенье) ситенцы привозили с собой на дачу в начале лета. По мере их убывания и по мере нужды в быстропортящихся яйцах, масле и хлебе необходимо было идти в Красную Пресню. Слово «необходимо» придавало походу за продуктами дух серьезной и полезной миссии, что особенно радовало Киру, не любившую бесцельных прогулок «ради свежего воздуха».

И вот Кира и Любовь Георгиевна отправляются в дорогу. Идти до Красной Пресни не более получаса, но Кире кажется, что путь им предстоит неблизкий. Они спускаются с деревянного крыльца, проходят по знакомой тропинке, вдоль которой растут кусты шиповника, наклоняются под жасминной аркой, открывают калитку, поворачивают налево, проходят мимо еще двух домов до конца дачной «линии» и упираются в шеренгу деревьев – полосу леса, уцелевшего после расчистки местных окрестностей под садоводческие товарищества. О том, что эти деревья уцелели от старого леса, свидетельствуют многолетние слои мха и густой травы, стелящиеся под ними, а также узловатые корни, выползающие на тропинку, бегущую по краю садов. В конце лета сквозь сплетенный травяной покров пробьются на этой полоске леса сыроежки, а местами и подосиновики.

Однако день, описываемый здесь, приходится на начало июля, и до грибов еще далеко. Все равно идти в Красную Пресню весело и интересно, так как за лесной полосой прячется участок пути, наводящий восторг и страх – линия электропередач. Как известно, для линий электропередач лесá расчищают по прямой, оставляя лысые полосы, похожие на первую сбритую между на голове у призывника. Все леса России перечеркнуты такими полосами; в густой тайге, вдали от людей, они кажутся следами от великана, протоптавшего в сердце леса вечный шрам. Но полоса электросети в Ситенке не вызывала таких грустных ассоциаций, так как лес здесь был редкий и светлел тут и там залысинами полянок. Черные металлические вышки удерживали над полосой черные гудящие провода, а под ними расстилался душистый, уже пожелтевший от июльского солнца луг. В отличие от полос электропередач в густых лесах, по которым обычно не пройти из-за поваленных деревьев, по этой полосе можно было не только пройти – можно было пробежать по мягкой траве и упасть в ромашки.

Бегать по полевым ромашкам можно было, впрочем, лишь до тех пор, пока полевая полоса тянулась вдоль Ситенки: у последней «линии» ситенских садов травяной ковер закан-

чивался и начиналась неровная, покрытая кочками поверхность, поросшая пучками камыша, – следы бывшего болота. Оставалось пересечь полевою полосу до конца и на противоположной от Ситенки стороне спрятаться в прохладном перелеске, сквозь который пролегла широкая тропа, тянувшаяся до самого продуктового магазина. Краснопресненские сады были старше Ситенки, и дома в них были попрочнее и повыше ситенских хижин: многие из них были сложены из цельных бревен и украшены резными наличниками. Эта основательность и присутствие в Красной Пресне магазина превращало малоприметный населенный пункт в объект зависти окрестных дачников.

Магазин Красной Пресни – вернее, пространство перед ним – являлось центром людских пересечений, сплетен и показов дачных мод. Если все остальное время жители окрестных садоводческих товариществ ходили у себя на участках в выцветших тренировочных штанах и майках, то перед походом в Красную Пресню они умывались, причесывались и принаряжались: мужчины в поддельные или настоящие джинсы с рубашками, женщины в сарафаны и платья ярких расцветок. Любовь Георгиевна часто одевала Киру в белую футболку и синюю юбку с грудкой, на которой красовался пластмассовый белый якорь – костюм юной морячки. Кириных родителей не смущало то обстоятельство, что в средней полосе России морем не только не пахло, но даже трудно было вообразить себе существование какого-либо иного пейзажа, кроме травянистой суши. Киру же это обстоятельство злило и заставляло краснеть: ей казалось, что краснопресненские дети показывают на нее пальцем и спрашивают у своих родителей, отчего эта девочка одета в такой неуместный костюм. В ответ на Кирины опасения Любовь Георгиевна пускалась в свои излюбленные рассуждения о силе характера.

Однако были дни, когда Киру одевали в шорты и заграничного вида майку, и тогда дорога до Красной Пресни казалась по-настоящему сказочной. Так же, как и на ситенской стороне, тропа сквозь краснопресненский перелесок была бугристой из-за вылезавших на землю корней; так же пахло нагретой солнцем травой и листьями берез и осин. Через двадцать минут ходьбы уже виднелся желтый бок краснопресненского магазина, а на фоне него – высокие чугунные качели. И тут вставал непростой для пятилетнего ребенка выбор: идти сначала в магазин, любоваться его богатствами и запахами, или оставаться на улице, чтобы занять место в очереди на качели. Качелей Кира боялась. Они были сделаны без оглядки на детскую безопасность, поэтому качались не только вперед-назад, но и влево-вправо. Шатаясь, как часовой маятник, они грозили прищемить детские пальцы между ручкой качелей и их холодным ржавым основанием. Вопрос решался сам собой. Масло Кира любила сильнее мороженого и уж тем более сильнее чугунных качелей. Краснопресненское масло привозили из соседнего молочного хозяйства, и от него пахло сладким сливочным теплом. Оно лежало на прилавке брусками длиной в локоть и шириной чуть поменьше, и его резали проволокой, натянутой между двумя деревянными ручками. Любовь Георгиевна всегда покупала жалкий по сравнению с целым масляным бруском кусок, и быстро несла его домой, чтобы он не растаял. А как же качели? Любовь Георгиевна, подталкивая нерешительную Киру, командовала кучковавшимся у качелей подросткам:

– А ну-ка, ребята, пропустите нас покачаться, а то у нас масло тает!

Под взгляды оторопевших краснопресненских детей Кира стеснительно садилась на качели и неловко пыталась привести их в движение. Тогда Любовь Георгиевна подталкивала ее сзади, и Кира изо всех сил поджимала ноги, боясь соскользнуть с чугунного сиденья. Качаться ей все равно уже не хотелось – хотелось бежать обратно в Ситенку, чтобы там перед обедом съесть кусок хлеба со свежим маслом, а потом просто любоваться через стеклянный купол масленки на желтое жирное счастье.

Глава 9. Ступино

Одно лето сменялось другим, и постепенно походы в Красную Пресню начали терять ореол авантюры, а за маслом стали ездить на электричке в главный населенный пункт округа – городок Ступино. У Ступина имелась богатая и гордая военная история, но Кире это место представлялось кучкой домов, формой похожих на ступу Бабы Яги (детская топонимика быстра и прямолинейна). В одном таком доме, как виделось Кириному воображению, располагалась больница, куда Любове Георгиевне однажды пришлось поехать, оставив Киру на попечении Евгении Михайловны. Уже не в Кирином воображении, а в суровой дачной реальности у Любове Георгиевны образовался кожный нарыв, и ступинские врачи решили его резать, как она рассказывала потом, без обезболивающего.

– Было больно? Ты плакала? – спросила Кира у нее, отчасти с жалостью и сочувствием, отчасти надеясь на то, что мать ответит, что было ужасно больно, и не было сил терпеть, и теперь никому из ее семьи не надо будет ходить к этим страшным людям в белых халатах.

– Было больно, но я держалась за батарею и терпела, – не оставила Кире надежды Любовь Георгиевна. Почему держание за батарею помогает, когда больно, Кира не спросила, но поняла, что шансов пожаловаться на что-то у нее в жизни с тех пор стало еще меньше.

Помимо больницы, в воображаемой кучке домов-ступ Кире виделся таинственный магазин. В нем были совершенно пустые полки и ничего не продавалось (в принципе, соответствовавшая реальности фантазия), но изредка в нем появлялись волшебным образом редкие вещи, которые надо было брать не раздумывая. Кирины родители при таких покупках повторяли красивое и загадочное слово «дефицит», но у Киры было собственное объяснение тому, зачем из Ступина привозили то ненужный никому новый абажур, то тапочки, не подходящие по размеру ни одному из членов семьи. «На счастье, – думала Кира, – и потом, самые интересные вещи – это бесполезные вещи, как юла, например, или зонтик от солнца».

Однажды в Ступино отправилась Евгения Михайловна (не на электричке, конечно – её захватили с собой ехавшие туда на машине ситенские знакомые) и вернулась, опять же на машине, с набором тарелок «Три поросенка». Тарелки были украшены с очевидным расчетом на детского потребителя: по их краям симметрично располагались изображения трех поросят, бегущих по кругу, причем двое из них придерживали балалайки – вероятно, символ их легкомыслия. Евгения Михайловна, у которой не было детей, все равно купила тарелки с расчетом и на себя, и на нескольких родственников, потому что такие яркие, веселые тарелки появлялись в советских магазинах не часто (на тарелках в Кирином доме присутствовали только серьезные рисунки – ободки, горошек, ромбики, лишь в одном экстравагантном случае бледные клубнички). Евгения Михайловна предложила Кириной маме и бабушке купить у нее часть «поросячьих» тарелок. Она явно ожидала не только их незамедлительного согласия, но и благодарности за удачную покупку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.